

*Мари-Кармен,
«только вдвоем».*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Город проклятых

1

Писатель всегда помнит и свой первый гонорар, и первые хвалебные отзывы на поведанную миру историю. Ему не забыть тот миг, когда он впервые почувствовал, как разливается в крови сладкий яд тщеславия, и поверил, будто литературная греза (если уж волею случая его бездарность осталась незамеченной) способна обеспечить ему кров над головой и горячий ужин на склоне дня. Тот волшебный миг, когда сокровенная мечта стала явью и он увидел свое имя, напечатанное на жалком клочке бумаги, которому предстоит прожить дольше человеческого века. Писателю суждено запомнить до конца дней это головокружительное мгновение, ибо к тому моменту он уже обречен и за его душу назначена цена.

Мое крещение состоялось в далекий декабрьский день 1917 года. Мне тогда исполнилось семнадцать лет, и я работал в «Голосе индустрии», газете, едва сводившей концы с концами. Она размещалась в мрачном строении, где прежде находилась фабрика по производству серной кислоты: ее стены все еще источали ядовитые испарения, разъедавшие мебель, одежду, дух и даже подошвы ботинок. Резиденция издательства находилась за кладбищем Пуэбло-Нуэво, возвышаясь над лесом

крылатых ангелов и крестов. Издалека силуэт здания сливался с очертаниями пантеонов, выступавших на горизонте, истыканном дымоходами и фабричными трубами, которые ткали вечный багряно-черный покров заката, встававшего над Барселоной.

Однажды вечером моя жизнь, резко изменив направление, потекла по иному руслу. Дон Базилио Морагас, заместитель главного редактора газеты, незадолго до сдачи номера в набор соблаговолил вызвать меня в комнатушку, служившую то кабинетом, то курительной. Дон Базилио носил пышные усы и выражением лица напоминал громовержца. Он не терпел глупостей и придерживался теории, будто обильное употребление наречий и чрезмерная адъективация* — удел извращенцев и малахольных. Если обнаруживалось, что сотрудник редакции тяготеет к цветистой прозе, дон Базилио на три недели отправлял виновного составлять некрологи. Но если, пройдя чистилище, бедняга грешил снова, дон Базилио навечно ссылал его в отдел домашнего хозяйства. Мы все трепетали перед ним, и он об этом знал.

— Вы меня звали? — робко обратился я к нему с порога.

Заместитель главного редактора неприязненно покосился на меня. Я вошел в кабинет, пропахший потом и табаком, причем именно в такой последовательности. Дон Базилио, не обращая на меня внимания, продолжал бегло просматривать статью — одну из множества заметок, лежавших на письменном столе. Вооружившись красным карандашом, заместитель редактора безжалостно правил и кромсал текст, бормоча нелцеприятные замечания, точно меня в комнате не было. Я понятия не имел, как себя вести, и, заметив у стены стул, сделал поползновение сесть.

— Кто вам разрешал садиться? — пробурчал дон Базилио, не поднимая глаз от бумаги.

Я поспешно вскочил и затаил дыхание. Заместитель главного редактора вздохнул, бросил красный карандаш и, отки-

* Адъективация (от *лат.* *adjectivum* — прилагательное) — переход других частей речи в прилагательные. — *Здесь и далее примеч. пер.*

нувшись на спинку кресла, оглядел меня ног до головы с таким недоумением, словно увидел нелепую ошибку природы.

— Мне сказали, что вы пишете, Мартин.

Я проглотил комок в горле и, открыв рот, услышал с удивлением свой срывающийся, нелепо тонкий голос:

— Ну, немного, не знаю. Я хочу сказать, что да, конечно, пишу...

— Надеюсь, пишете вы лучше, чем говорите. Не будет ли бестактным спросить, что же вы пишете?

— Криминальные рассказы. Я имею в виду...

— Я уловил основную мысль.

Дон Базилио одарил меня непередаваемым взглядом. Если бы я признался, что мастерю из свежего навоза фигурки для вертепа, это явно воодушевило бы его намного больше. Он снова вздохнул и пожал плечами:

— Видаль говорит, что вы ничего. Будто бы выделяетесь на общем фоне. Правда, при отсутствии конкуренции в наших пенатах, не приходится лезть из кожи вон. Но если Видаль так говорит...

Педро Видаль являлся золотым пером «Голоса индустрии». Он вел еженедельную колонку происшествий — только ее и можно было читать из всего выпуска. Видаль также написал примерно с дюжину умеренно популярных авантюрных романов о разбойниках из Равалья, заводивших альковные интрижки с дамами из высшего света. Видаль носил безупречные шелковые костюмы, начищенные до блеска итальянские мокасины и напоминал внешностью и манерами театрального героя-любовника с тщательно уложенными белокурыми волосами, щеточкой усов и непринужденной и благодушной улыбкой человека, живущего в полном согласии с собой и миром. Он происходил из семьи «индейцев» — эмигрантов, сделавших огромное состояние в Америке на торговле сахаром. По возвращении они отхватили лакомый кусок, поучаствовав в электрификации города. Отец Видаля, патриарх клана, выступал одним из крупнейших акционеров нашей газеты, и дон Педро приходил в редакцию как в игорный зал, чтобы развеять скуку, ибо необходимости работать у него не было никогда. Его

нисколько не беспокоило, что издание теряло деньги столь же неудержимо, как неудержимо вытекало масло из новых автомобилей, появившихся на улицах Барселоны. Насытившись дворянскими титулами, семья Видаля увлекалась теперь коллекционированием лавок и участков под застройку размером с небольшое княжество в Энсанче.

Педро Видаля был первым, кому я показал наброски своих рассказов. Я сочинил их, когда был еще мальчишкой и подносил в редакции кофе и папиросы. У Видаля всегда находилась минутка-другая, чтобы прочитать мою писанину и дать дельный совет. Со временем я сделался его помощником, и он доверял мне перепечатывать свои тексты. Он сам завел разговор о том, что, если я желаю испытать судьбу на литературном поприще, он охотно меня поддержит и поспособствует первым шагам. Верный слову, он бросил меня теперь в лапы донна Базилио, цербера газеты.

— Видаля — романтик. Он до сих пор верит во все эти мифы, глубоко чуждые испанскому менталитету, вроде меритократии* или необходимости давать шанс достойным, а не тем, кто нагрел себе местечко. Конечно, с его богатством можно себе позволить смотреть на мир сквозь розовые очки. Если бы у меня была сотая доля тех дура, которые ему некуда девать, я бы писал сонеты, и птички слетались бы со всех сторон и ели у меня из рук, очарованные моей добротой и ангельской кротостью.

— Сеньор Видаля — великий человек, — возразил я.

— И даже более. Он святой, ибо он целыми неделями не давал мне покоя, рассказывая, какой талантливый и трудолюбивый мальчик работает у нас в редакции на посылках, хоть у вас и вид форменного заморыша. Видаля знает, что в глубине души я человек мягкий и уступчивый. Кроме того, он мне послужил в подарок ящик гаванских сигар, если я предоставлю вам шанс. А слову Видаля я верю так же крепко, как и тому, что Моисей спустился с горы со скрижалями в руках, осененный

* Меритократия (букв. «власть достойных») — принцип управления, согласно которому руководящие посты должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального и экономического статуса и происхождения.

светом истины, открытой ему небожителем. Короче, в честь Рождества, а главное, чтобы наш друг слегка угомонился, я предлагаю вам попытаться счастья, как полагается настоящим героям — всем ветрам назло.

— Огромное спасибо, дон Базилио. Клянусь, вы не раскаетесь, что...

— Не так быстро, молокосос. Ну-ка, что вы думаете об излишнем и неуместном употреблении наречий и прилагательных?

— Это позор, злоупотребление наречиями и прилагательными должно быть классифицировано как уголовное преступление, — отрапортовал я, как новобранец не плачу.

Дон Базилио одобрительно кивнул:

— Молодец, Мартин. У вас четкие приоритеты. В нашем ремесле выживают те, у кого есть приоритеты и нет принципов. Суть дела такова. Садитесь и наострите уши, поскольку я не намерен повторять дважды.

Суть дела заключалась в следующем. По ряду причин (дон Базилио предпочел не углубляться в тему) оборот обложки воскресного выпуска, который традиционно оставляли для литературного эссе или рассказа о путешествиях, в последний момент оказалось нечем заполнить. На эту полосу предполагалось поместить рассказ о деяниях альмогаваров*, проникнутый патриотизмом и пафосной лирикой, — пламенную повесть о том, как средневековые воины героически спасали христианство (канцона к месту там и тут) и все на свете, что заслуживало спасения, от Святой земли до дельты Льобрегата. К сожалению, материал не поступил вовремя. И, как я подозревал, дон Базилио не горел желанием его опубликовать. О проблеме стало известно за шесть часов до сдачи номера в набор. Достойной замены рассказу не было: нашелся только проспект на всю страницу с рекламой корсетов на костях из китового уса, которые обеспечивают божественную фигуру и в придачу иммунитет к макаронам. Совет директоров, оказавшись в безвы-

* Альмогавары — ударные войска королевства Арагон, сформированные из легкой пехоты, действовавшие в Средиземноморье в XIII—XIV вв. Проявили себя в период испанской Реконксты. Служили наемниками в Италии и на Леванте.

ходном положении, здраво рассудил, что рано падать духом. Литературных талантов в редакции пруд пруди, и нужно было всего лишь выудить один, чтобы залатать прореху. Для развлечения постоянной семейной аудитории требовалось напечатать в четыре колонки любую вещь общечеловеческого содержания. Список проверенных талантов, к которым можно было бы обратиться, включал десять фамилий, и моя, естественно, среди них не значилась.

— Дружище Мартин, обстоятельства сложились так, что ни один из доблестных рыцарей пера, поименованных в реестре запасных, недоступен физически или же доступен на грани разумных сроков. Перед лицом неминуемой катастрофы я решил дать вам возможность проявить свои способности.

— Можете на меня рассчитывать.

— Лично я рассчитываю на пять листов с двойным междустрочным интервалом до истечения шести часов, дон Эдгар Алан По. Дайте мне настоящую интригу, а не нравоучительную историю. Если вы предпочитаете проповедь, отправляйтесь на рождественскую всенощную. Дайте мне сюжет, который я еще не встречал, а если встречал, то пусть он будет изложен настолько блестяще и так лихо закручен, чтобы я забыл об этом.

Я собрался уходить, когда дон Басилио поднялся на ноги, обошел стол и положил мне на плечо ручищу размером и весом с добрую наковальню. И лишь теперь, очутившись с ним лицом к лицу, я заметил, что его глаза улыбаются.

— Если рассказ выйдет приличным, я заплачу вам десять песет. А если он получится чертовски приличным и понравится читателям, я опубликую вас снова.

— Какие-нибудь особые пожелания, дон Басилио? — спросил я.

— Да. Не разочаруйте меня.

Следующие шесть часов прошли для меня как на передовой. Я устроился за столом, стоявшим в центре редакционного зала. Стол зарезервировали для Видаля — на всякий случай, иногда ему взбрело в голову ненадолго заглянуть в издатель-

ство. Зал был пустынным и тонул в тумане, сотканном из дыма десяти тысяч папирос. Я на мгновение закрыл глаза и представил картину: небо затянуто пеленой туч, проливной дождь над городом, прячась в тени, крадется человек с окровавленными руками и загадкой во взоре. Я понятия не имел, кто он такой и почему спасается бегством, но в ближайшие шесть часов незнакомец должен был стать мне лучшим другом. Я заправил лист бумаги в каретку и без проволочек занялся воплощением замысла, созревшего в голове. Я выстрадал каждое слово, фразу, оборот и образ, каждую букву, как будто сочинял последний в своей жизни рассказ. Я писал и переписывал каждую строчку с одержимостью человека, само существование которого зависит от этой работы, а потом перекраивал текст заново. По издательству разносилось гулкое эхо непрерывного стрекота машинки, теряясь в полутемном зале. Большие часы на стене равнодушно отсчитывали минуты, остававшиеся до рассвета.

Без малого в шесть утра я выдернул из машинки последний лист и перевел дух, обессиленный, с ощущением, что у меня в голове роятся пчелы. Я услышал размеренную тяжелую поступь дона Базилио, соблюдавшего положенные часы отдыха. Он пробудился и теперь неспешно приближался ко мне. Я собрал кипу напечатанных страничек и вручил ему, не осмеливаясь посмотреть в лицо. Дон Базилио уселся за соседний стол и зажг настольную лампу. Его взгляд скользил по тексту сверху вниз, не выдавая никаких эмоций. Затем он на миг отложил на край стола сигару и, не спуская с меня глаз, зачитал вслух первые строчки:

— «Ночь накрыла город, и запах пороха стелился по улицам, словно дыхание проклятия».

Дон Базилио глянул на меня исподлобья и расплылся в широкой улыбке, обнажив все тридцать два зуба. Не прибавив ни слова, он встал и вышел, не выпуская из рук моего рассказа. Я смотрел, как он шествует по коридору и исчезает за дверью. Оцепенев, я остался в зале, мучительно раздумывая, стоит ли обратиться в бегство немедленно или все же дожидаться

смертного приговора. Через десять минут, показавшихся мне десятилетием, дверь кабинета заместителя главного редактора распахнулась, и громовой голос дон Басилио разнесся по закоулкам редакции:

— Мартин, соблаговолите зайти.

Я оттягивал страшный миг, как мог, и тащился к кабинету, едва переставляя ноги и съезживаясь с каждым шагом. Наконец отступить стало некуда, оставалось только заглянуть в дверь. Дон Басилио, вооруженный разящим красным карандашом, холодно смотрел на меня. Я попробовал проглотить слюну, но рот пересох. Дон Басилио взял рукопись и возвратил мне. Я со всех ног кинулся назад, к двери, убеждая себя, что в вестибюле гостиницы «Колумб» всегда найдется место для лишнего чистильщика ботинок.

— Отнесите это вниз, в типографию, и пусть набирают, — произнес голос у меня за спиной.

Я повернулся, решив, что стал участником какого-то жестокого розыгрыша. Дон Басилио выдвинул ящик письменного стола, отсчитал десять песет и выложил их на столешницу.

— Это вам. Советую на эти деньги обновить гардероб, поскольку я уже четыре года вижу вас в одном и том же костюме, и он по-прежнему велик вам размеров на шесть. Если хотите, можете зайти в портновскую мастерскую к сеньору Панталеони на улице Эскудельерс, скажете, что от меня. Он отнесется к вам внимательно.

— Большое спасибо, дон Басилио. Я так и поступлю.

— И приготовьте мне еще один рассказ в том же роде. Я даю вам неделю. Но не вздумайте почивать на лаврах. Кстати, постарайтесь, чтобы в новом рассказе было поменьше смертей, так как современному читателю нравится паточка — хороший конец, где торжествует величие человеческого духа и прочая дербедень.

— Да, дон Басилио.

Заместитель редактора кивнул и протянул мне руку. Я пожал ее.

— Хорошая работа, Мартин. Я хочу, чтобы в понедельник вы были за столом, где раньше сидел Хунседа. Теперь стол ваш. Я перевожу вас в отдел происшествий.

— Я вас не подведу, дон Базилио.

— Нет, вы меня не подведете. Вы сбежите от меня, рано или поздно. И правильно сделаете, поскольку вы не журналист и не станете им никогда. Но вы также еще и не писатель криминального жанра, каким себя воображаете. Поработайте у нас некоторое время, и мы вас научим кое-каким премудростям, что всегда пригодится.

В тот великий момент, момент признания, настороженность ослабела, и меня затопило чувство столь великой признательности, что мне захотелось обнять этого замечательно-го человека. Дон Базилио — маска разгневанного громовержца вернулась на привычное место — пригвоздил меня к месту стальным взглядом и указал на дверь.

— Только без дешевых сцен, пожалуйста. Закройте дверь. С обратной стороны. И с Рождеством.

— С Рождеством.

В понедельник я прилетел в редакцию как на крыльях, предвкушая момент, когда впервые сяду за собственный стол, и обнаружил пакет из оберточной бумаги, перевязанный бантом. Мое имя было напечатано на машинке, на которой я немало потрудился за последние годы. Я вскрыл пакет. Внутри лежал оборот обложки воскресного номера с моим рассказом, обведенным в рамку. К посылке прилагалась записка: «Это только начало. Через десять лет я останусь лишь подмастерьем, но ты превратишься в мастера. Твой друг и коллега Педро Видаль».

2

Мой литературный дебют выдержал крещение огнем. Дон Базилио, верный своему слову, дал мне возможность напечатать еще пару рассказов в аналогичном стиле. Вскоре дирекция разрешила издавать мои блестящие опусы еженедельно, но при условии, что я буду неукоснительно выполнять все свои прежние обязанности в редакции за то же самое вознаграждение. Одурманенный тщеславием и утомлением, я целыми дня-